

О ЧЕРКИ

БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ

(ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ).

СОЧИНЕНІИ

Ө. ГЛИНКИ,

АВТОРА «ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА

1839.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цен-
сурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 22
Августа 1839 года.

Ценсоръ В. Флеровъ.

ЛЮДЯМЪ XII ГОДА.

(ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ).

Три десятильтія прошли съ того дня, какъ отгремѣла *Битва Бородинская*. Грустно перелистывать списокъ лицъ и чиновъ, бывшихъ участниковъ въ *Битву Великановъ* (la bataille des géants). Такъ называлъ ее *Наполеонъ*. Мало осталось людей XII-го года, еще меньше людей *Бородинскихъ*! Двадцать семь лѣтъ стоятъ сраженія! Сколько храбрыхъ, красовавшихся ранами XII-го года, перешли на ту сторону жизни!

И Тебя не стало, нашъ Государь XII-го и XIV-го годовъ,—эпохъ сожженія *Москвы* и пощады *Парижа*! И Ты, отслужи вѣрно и праведно своей Россіи 25 лѣтъ (урочный срокъ простаго воина) со скипетромъ и шпагою, и Ты отошелъ къ вѣнценоснымъ Отцамъ Своимъ. Мужественный, твердый, Ты былъ неподвижнымъ столпомъ, на

У Французовъ-же войскъ до 188,000 и пушекъ 1000.

КАНУНЪ БОРОДИНА.

Недѣли за три передъ кануномъ великой битвы Бородинской сражались за обладаніе Смоленска. Осаждающіе зажгли городъ. Пожаръ, распространяясь все болѣе и болѣе, охватилъ башни, дома, цѣлыя улицы. Наконецъ запылали и церкви съ ихъ колокольнями. Огненная буря, съ трескомъ и шумомъ, разливалась въ воздухъ, раскаляя его. У защитниковъ Смоленска въ тѣсныхъ переулкахъ, подъ длинными космами огня, не разъ волоса на головѣ трещали; колокола звонили безъ звонарей и таяли. Въ это время огня и гибели раздался голосъ: «Спасайте икону Смоленской Богородицы!» Этотъ голосъ скоро сдѣлался всеобщимъ кличемъ ^{и навелъ начальство на распоряженіе къ спасенію иконы.} Съ тѣхъ поръ Пресвятая Владычица послѣдовала за войскомъ, внимая молитвамъ готовящихся на славную смерть или умирающихъ. Русскіе ^{и тѣмъ-же образомъ} заняли обратнo Смоленскъ, внесли икону въ прежнее мѣсто, стали служить молебень, и когда дошло до словъ: «пробыть же «Маріамъ яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ «свой,» присутствовавшіе ^{перенести въ мѣсто} ~~равно~~ ровно три мѣсяца, какъ икона вынесена ~~на~~

*Фредерикъ-августовскіе и Французскіе
перенести въ мѣсто: окаянство, 1791*

~~изъ Смоленска и~~
 церкви надъ воротами въ Смоленскъ и ровню чрезъ
 три мѣсяца возвратилась въ домъ свой.

Теперь, наканунѣ великаго дня Бородинскаго, Главнокомандующій велѣлъ пронести ее по всей линіи. Это живо напоминало приуготовленіе къ битвѣ Куликовской. Духовенство шло въ ризахъ, кадилья дымилась, свѣчи теплились, воздухъ оглашался пѣніемъ и Святая икона шествовала... Сама собою, по влеченію сердца, стотысячная армія падала на колѣни и припадала челомъ къ землѣ, которую готова была упомгъ до сытости своею кровью. Вездѣ творилось крестное знаменіе, по мѣстамъ слышалось рыданіе. Главнокомандующій, окруженный штабомъ, встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Когда кончилось молебствіе, нѣсколько головъ поднялись къ верху и послышалась: «орель парить!» — Главнокомандующій взглянулъ вверхъ, увидѣлъ плавающего въ воздухѣ орла и тотчасъ обнажилъ свою седую голову. Ближайшіе къ нему закричали: ура! и этотъ крикъ повторился ^{по} ^{сильнѣе} ^{вопскомъ}.

Орель продолжалъ плавать; семидесятилѣтній вождь, принимая доброе предвѣстіе, стоялъ съ обнаженною головою. Это была картина единственная! Михаилъ Кутузовъ, главный повелитель всѣхъ воинскихъ силъ Имперіи, являлся тутъ во всей красѣ военачальника. Въ прострѣленной головѣ

его былъ умъ, ~~созрѣвавшій~~ въ теченіи 70 лѣтъ; въ его умѣ была опытность, постигшая всѣ тайны политической жизни ~~гражданскихъ~~ обществъ и народовъ. Надъ нимъ парилъ орелъ, на немъ была икона Казанской Божіей Матери, сто тысячъ Русскихъ кричали: ура! а судьба завтрашняго дня укладывала ^{рукою} жребіи въ таинственную урну свою....

Послѣ дня, слегка пасмурнаго, и вечера, окропленнаго холодноватымъ дождемъ, послѣ жаркой ~~однодневной~~ перестрѣлки за право пить воду въ Колоцкѣ, настала темный холодный вечеръ, настала канунъ битвы Бородинской. Изъ всѣхъ явленій 1812-го года канунъ Бородина сохранился конечно у многихъ въ памяти. Всѣ ожидали боя рѣшительнаго. Офицеры надѣли съ вечера чистое бѣлье; солдаты, сберегавшіе, про случай, по бѣлой рубашкѣ, сдѣлали тоже. Эти приготовленія были не на ширь! Блѣдно и вяло горѣли огни на нашей линіи, темна и сыра была, съ вечера, ночь на 26-е Августа; но ярко и роскошно чужими дровами освѣщала себя непріятель.

Удвоенные костры, уставленные въ нѣсколько линій, пылали до самаго Колоцкаго монастыря. Эти не наши огни, стоя огненными полками, сквозили сквозь чащи лѣсовъ и кустарниковъ, румянили наше небо и бросали какой-то кровавый отблескъ на окрестности ямистыя, ~~степныя~~.

Рокотъ барабановъ, рѣзкіе звуки трубъ, музыка, пѣсни и крики несвязные (привѣтнѣй кликъ войска Наполеону) слышались у Французовъ. Священное молчаніе, царствовало на нашей линіи. Я слышалъ, какъ квартиргеры громко сзывали къ порціи: «Водку привезли; кто хочетъ, ребята! Ступай къ чаркѣ!» Ни кто не шелохнулся. По мѣстамъ вырывался глубокий вздохъ и слышались слова: «Спасибо за честь! Не къ тому изготовились: не такой завтра день!» И съ этимъ многіе старики, освѣщенные догорающими огнями, творили крестное знаменіе и приговаривали: «Мать Пресвятая Богородица! помоги постоять намъ за землю свою!» Къ утру сонъ пролетѣлъ надъ полками. Я уснулъ, какъ теперь помню, когда огни одинъ за другимъ уже снимались, а заря начинала заниматься. Скоро, какъ будто кто толкнулъ меня въ бокъ. Мнимый толчекъ, вѣроятно, былъ произведенъ сотрясеніемъ воздуха. Я вскочилъ на ноги и чуть было не упалъ ~~спинъ~~ съ ногъ отъ внезапнаго шума и грохота. Въ разсвѣтномъ воздухѣ шумѣла буря. Ядра, раскрывая и срывая наши шалаши, визжали пролетными вихрями надъ головами. Гранаты лопались. Въ пять минутъ сраженіе было уже въ полномъ разгарѣ. Многіе, вскочивъ отъ сна ночнаго, падали въ сонъ вѣчный. Взрытая выстрѣлами земля, включенная солома, дымъ и вспышки огня рябили въ глазахъ. Это Вице-Король Италіанскій повелъ свою знамени-

тую атаку на Бородино. Таковъ былъ канунъ и начало великой битвы у насъ. У Французовъ было иначе.

Перейдемъ теперь кутузова и скажемъ посподрушнѣ, что Степановъ ушелъ на ночь въ урдинскыя

РЕКОГНОСЦИРОВАНИЕ.

Обстоятельныя обозрѣнія линій происходили 25 числа. Кутузовъ уже не въ первый разъ объѣхалъ свою армію. Онъ взглянулъ на укрѣпленія при деревнѣ Семеновской и внимательно обозрѣвалъ лѣвое крыло наше. Оно уперто было въ большой лѣсъ и прикрыто высокаторчащимъ курганомъ съ 25 пушками. Еще на двухъ пригоркахъ наброшены вѣнцами укрѣпленія. На центръ все мосты разорены, все переправы испорчены, противъ извѣстныхъ бродовъ выставлены пушки. Правый флангъ, какъ мы уже сказали, лѣсистый, дебристый, искрещенъ засѣками, снабженъ большими окопами. Въ общемъ объемъ Русскіе занимали все гребни высотъ за Колочейо, въ видѣ пространнаго полукруга. Главныя наши вооруженія были слѣдующія: ретраншаментъ и флени въ лѣсу на правомъ флангѣ; батарея на курганѣ Горечкомъ; другая, недалеко отъ этой, тоже на кругломъ холмѣ, называвшаяся батареею Дохтурова, 5-й большой монетъ съ бастіонами: его называли батареею Раевского; четыре окопа (флени или реданты) при Семеновскомъ.

Съ центральной батареи нашей смотрѣли въ трубу и вдругъ засуетились. «Эго онъ! это онъ!» закричало нѣсколько голосовъ. Въ самомъ дѣлѣ, вооруженный глазъ могъ увидѣть человека, котораго портретъ знакомъ былъ всякому. Онъ выѣзжалъ изъ лѣсу, отъ деревни Логиновой, самъ другъ съ товарищемъ и направлялся къ нашимъ линіямъ. Нѣсколько удачныхъ выстрѣловъ съ батареи дали почувствовать ему, что онъ открытъ. Это былъ Наполеонъ! Разсказывая о рекогносцировкахъ, лично имъ самимъ произведенныхъ, мы обратимся немного назадъ. 24 Августа, по взятіи Шевардинскаго редута, Наполеонъ пожелалъ видѣть плѣнныхъ. Плѣнныхъ не нашлось. Императоръ прогнѣвался. Генераль Коленкуръ (братъ Герцога Виченцкаго) сказалъ при этомъ: «Русскихъ скорѣе можно въ землю втоптать, нежели въ плѣнь взять!» — «Ну, ладно! возразилъ Наполеонъ, такъ послѣ завтра (26 Августа) мы всѣхъ ихъ втопчемъ въ землю.»

25 выѣхавъ, какъ мы уже замѣтили, на рекогносцировку, Наполеонъ взѣхалъ на высоты, гдѣ стояли войска Вице-Короля Италіянскаго. Эти высоты отдѣлялись отъ Бородина только мелкою рѣчкою Войнею. Наполеонъ отдалъ разныя приказанія на счетъ искусственнаго укрѣпленія серединнаго пункта, на которомъ, какъ на оси, долженъ былъ совершиться великій поворотъ всей Фран-

Письмо Ермолову.

(от 19го сентября 1839го).

„Милостивый Государь,

Генерал Николайев!

Примите совершенную благодарность мою за доставление мне Соплиева вашего Ордена Герцога динской. — При всеобщей похвале моему мнанию, не могу воздержаться и не сказать, что одно, доселе, перь ваше изображение достойнейше образует ту борьбу Тиганова! — Удачное меня воспоминание, Гов, Милостивый Государь! в письме вашем изъявливши сожаление, чтобы могъ я сохранить въ памяти писателя, когда трудъ

Косицкова Всегда въ особен-
ный гудевоиъ мѣстѣ
я произведенія ваши, а сіе
полнѣе налагаю на меня
обязанность признаваться
но знаю я каково вамъ ст-
на труда въ верахъ у
незаконной цензурѣ нѣ-
которое для меня мѣсто!

Съ совершеннѣйшю почтениемъ
и преданностию, и съ
глубокою любовью,

Михаилъ Захаровъ
Покорнѣйшій Слуга,
Александръ Ермоловъ

О ЧЕРКИ

БОРОДИНСКАГО СРАЖЕНІЯ

(ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ).

СОЧИНЕНІЕ

Ө. ГЛИНКИ,

АВТОРА «ПИСЕМЪ РУССКАГО ОФИЦЕРА».

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ НИКОЛАЯ СТЕПАНОВА

1839.

50078

